

Нож для покорных овец

Петр Павленский – о карательной психиатрии, политическом мутанте, Ван Гоге, Гиркине и Путине.

Новая акция художника Петра Павленского "Отделение" продолжает его рассказ о маленьком человеке, которого перемалывают шестерни репрессивного государства. В 2012 году Павленский демонстрировал кровавую немоту униженного обывателя, зашив себе рот в знак солидарности с арестованными участницами группы Pussy Riot. Акция, проведенная в 2013 году, в Страстную пятницу, называлась "Туша" – Павленский лег возле Законодательного собрания Петербурга в коконе из колючей проволоки, в нескончаемых витках тернового венца. Самая знаменитая из его акций – "Фиксация": в День полиции Петр Павленский прибил свою мошонку к брусчатке на Красной площади в Москве. Потом была акция совсем другого толка – посвященная освобождению от оков, во славу украинской революции. И именно эта акция, "Свобода", вызвала бешенство властей. Павленского обвиняют в вандализме, допрашивают и пытаются объявить невменяемым, бесконечно направляя на психиатрические экспертизы, хотя врачи уже не раз признавали, что он здоров.

Акция "Отделение" и была связана с использованием психиатрии в политических целях. Павленский забрался на стену московского института социальной и судебной психиатрии имени Сербского, разделся и отрезал себе мочку правого уха. Заявление художника: "Нож отделяет мочку уха от тела. Бетонная стена психиатрии отделяет общество разумных от безумных больных. Возвращая использование психиатрии в политических целях, полицейский аппарат возвращает себе власть определять порог между разумом и безумием".

Сняли Петра Павленского с крыши полицейские, и эта сцена, запечатленная фотографиями, поразительно напоминала снятие Спасителя с креста. Случайное совпадение или замысел? Петр Павленский отвечает на вопросы Радио Свобода.

– Снимок, на котором охранники стаскивают вас с крыши, поразительно напоминает снятие с креста. Христианские ассоциации мешают вам в интерпретации ваших работ или вы к ним благосклонно относитесь?

– Если быть честным, то они меня не особо волнуют. В замысле у меня это никогда не присутствует, и я очень не хотел бы спекулировать на религиозной тематике. Христианские коннотации в виде той фальсификации, которая насаждается со времен императора Константина, могут очень исказить высказывание, надстраивая вокруг действия ореол мученичества. От такого ореола как рукой подать до пастырей и овечьей покорности. Я же настаиваю на том, что овечья покорность – это и есть основная причина беды, с которой мы все столкнулись. Нет большего зла, чем законопослушный гражданин своего государства, и история концентрационных лагерей Третьего рейха может послужить самым очевидным тому доказательством. Если же говорить об аутентичном христианстве, то изначально это была идея богоборчества и глубокого сопротивления институтам собственности и власти. Возвращаясь к вопросу о визуальной ассоциации, то это можно было бы объяснить тем, что одно из тел, участвующих в акции, – голое, а другие участники в полной экипировке и вооружены до зубов. Или с тем, что я неподвижен и не оказываю сопротивления власти, когда она уже втянута в ситуацию и работает на формирование высказывания. Сейчас я смотрю на это изображение, когда охрана меня стаскивает, да, тут есть определенные аналогии, даже пластические. Но моя задача – осуществить как можно меньше действий, чтобы вся работа была сделана руками представителей власти, чтобы они построили высказывание. Они сами должны разрушать декорацию, которую их поставили охранять и достраивать. В этом и состоит методика моей работы. Сложность в том, что я никогда не могу предсказать, как они себя поведут. Эта акция была достаточно трудной именно потому, что это был институт психиатрии, и представители власти пробовали меня сломать лживой заботой, подкладывали какие-то маты под стену, предлагали дать отклик, прекратить свое действие. А этого делать ни в коем случае нельзя. Это можно сравнить с тем, что люди держат голодовку по 30 дней, а им приносят каждый день горячий завтрак, обед и ужин. Если человек поведется на эту заботу, он сломается и будет уничтожен. Поэтому ни при каких обстоятельствах мне нельзя было поддаться на эту подлую провокацию.

– Вашу акцию прямолинейно интерпретируют как протест против карательной психиатрии, но это слишком узкое толкование, дело ведь не только в психиатрии?

"Нужно поставить под сомнение саму идею психиатрии, как область знания, как порог, который разделяет общество, отрезает от него куски."

– Дело в психиатрии, но не в таком узком смысле. Я вообще не занимаюсь протестом. Говорить о том, что я выхожу и протестую, – очень поверхностно. Чтобы выразить протест, можно написать на плакате "Я протестую против того-то". Я занимаюсь политическим искусством, а не протестом. Протест – это слишком широкое обобщение. Я говорил, что нужно поставить под сомнение саму идею психиатрии, как область знания, как порог, который разделяет общество, отрезает от него куски. В последнее время Следственным комитетом овладела настоящая одержимость в желании объявить меня сумасшедшим и затащить в психиатрическую больницу. Я вижу

настоящее безумие, которое овладело целым аппаратом. Ван Гог отделил себе мочку уха, после этого был объявлен сумасшедшим. Отделенный этим "сумасшествием", Ван Гог уже никогда не смог вернуться на свое место в жизни, он был подвергнут общественной травле и доведен до самоубийства. Я совершил точно такое

же действие – отделил мочку уха, но не был объявлен сумасшедшим. Действие одно и то же, отрезанная мочка – это отрезанная мочка. Где вообще психиатрия? Если посмотреть историю, то психиатрия – это всегда подстилка под режим. И это везде, это и Советский Союз, это и рабовладельческая Америка. Очень интересная история с диагнозами драпетомании и дизестезии. Драпетомания – это когда беглых рабов изучали психиатры и давали научное объяснение их желанию бегства: если раб хочет бежать, то это психическая болезнь, от которой надо лечить, ампутируя ему какие-то части конечностей. Я думаю, в то время на эту тему было написано много медицинской литературы. Дизестезия – порча продуктов дармового труда. И там тоже это объяснялось повышенной чувствительностью кожи, помутнением рассудка и так далее. Третий рейх опять же можно вспомнить. Психиатрия – это оправдание изоляции, чтобы некое несоответствие изолировать от навязанного соответствия. Несоответствие становится болезнью, требующей немедленного лечения. Это сегмент псевдомедицины, который, помимо изоляции, еще значительно корректирует и влияет на общественное мнение. Акция "Отделение" – это высказывание о сегрегации. Однако даже тем, кто избежал буквального отделения и помещения в психотюрьму, – вряд ли можно говорить о том, что они "нормальны" и потому это их не касается. Примером может послужить простая аналогия двух историй. Когда после акции я оказался в психиатрическом отделении, то санитары разъяснили мне, что если я не буду лежать молча и неподвижно на кровати, то они будут вынуждены применить вязку. Однако какой смысл в том, чтобы, вжавшись в кровать, изображать, что ты привязан, когда в действительности твои руки и ноги свободны? Поэтому лежать молча и неподвижно я отказался – после этого три санитаров напали на меня и привязали к кровати. Аналогичная ситуация с подпиской о невыезде, которую мне вручила следователь. Какой может быть смысл в том, чтобы изображать, что ты арестован и не можешь покинуть какую-то территорию, если в действительности это не так? Это как раз и есть те психотюрьмы, в которые власть предлагает нам поместиться добровольно.

– Сейчас, говоря о возрождении карательной психиатрии в России, в первую очередь вспоминают дело Надежды Савченко, которую тоже отправили на психиатрическую экспертизу. Вы думали об этом деле, когда планировали свою акцию?

– Это и Савченко, и Мохнаткин, и Косенко, и то, что происходит у меня и многих других. Я бы не стал говорить, что возрождение карательной психиатрии сегодня произошло в полной мере. Этого возрождения очень хочет прокуратура и Следственный комитет. Вопрос того, насколько скоро психиатрия станет карательной, – это вопрос небольшой реформы, которая позволит перевести этот сектор экспертного знания в ведомство МВД. На сегодняшний день близость этой реформы весьма осязаема. У нас идет очень мощная реставрация имперского большевизма. А полицейская психиатрия – это неотъемлемая часть подобного политического конструкта. Поэтому акция была осуществлена на стене института Сербского, который в период советского режима был центром, откуда людей раскидывали по лагерям, по психиатрическим больницам, все эти решения принимались в этом месте. Тут я говорю именно об этом возврате. Я не знаю, что написано в экспертных заключениях у других людей, которым проводили судебно-психиатрическую экспертизу, но мое мышление было обозначено экспертами как "экспансивно-шизоидные характерологические проявления со склонностью к сверхценным образованиям с идеями реформаторства". В совковом режиме подобная терминология активно использовалась в определении политически несоответствующего рассудка. Поэтому я не думаю, что вектор изменится, но пока это еще выглядит как настойчивое прощупывание почвы со стороны силовых структур.

– А что с вашим делом сейчас происходит, с экспертизами, которые они заставляют вас проходить?

"Я говорил об отсутствии объективного порога между "обществом разумных" и "безумными больными"

– Следственный комитет бьется за то, чтобы каким угодно способом поместить меня в больницу, но ему никак не удается это сделать. Прежде всего, я изначально пошел на принципиальный отказ от добровольного прохождения по бумаге, когда мне следователь говорила: иди, пройди экспертизу, вот я тебе даю повестку. Она мне присылала порядка четырех повесток, назначала какие-то приводы, но так ничего она этим и не добила, она не смогла меня заставить. После предыдущих трех освидетельствований и одной судебно-психиатрической экспертизы я попросту был не заинтересован ей в

этом содействовать. Она пыталась меня запугать, что будет добиваться этого через суд, как это делал предыдущий следователь, который уволился во время первого процесса по назначению обследования.

– Тот знаменитый следователь, стенограммы разговоров с которым вы опубликовали?

– Да. Он больше не работает в Следственном комитете. Это дело сейчас ведет другой следователь, женщина.

У меня вызывает жалость ее положение, интересно, как она будет решать идиотскую для себя ситуацию. Ее глупый начальник настолько уперт, что никак не может остановиться. Я наблюдаю за этой непрерывной бюрократической возней, и возникает ощущение, что ими овладела настоящая одержимость. Но они попали в сложную ситуацию – им отказывают судьи. Тому первому следователю отказал судья, а когда она во второй раз вышла в суд с этим ходатайством, произошла неожиданная для меня ситуация. Я предполагал, что они нашли судью, который поддержит их. Но на втором заседании происходит неожиданный поворот: следователь неожиданно отзывает свое ходатайство, судья на основании этого отказывает в удовлетворении. Я сначала не понял, я подумал, что за странный жест доброты, но, оказывается, она его отозвала лишь для того, чтобы назначить ровно через неделю новый процесс и новое заседание по тому же самому вопросу и с новым судьей. Очевидная механика подбора сговорчивого судьи. Комитет ищет судью, который пойдет на бюрократический сговор, который поддержит их в этом ходатайстве. Я был уверен, что они нашли судью и что-то такое будет. И третья судья опять отказывает Следственному комитету. Конечно, они в трудном положении. Даже система их не очень хочет пускать и открывать им эту дверь, а они все так же настырно продолжают туда биться. Судьи уже попросту смеются над ними. Это уже напоминает какое-то безумие с их стороны. А сейчас им будет, наверное, еще сложнее, потому что, так как я по своей воле оказался внутри больницы, я прошел после этой акции еще одно освидетельствование. И психиатры опять сказали, что мне не нужна никакая принудительная госпитализация. Что со всем этим будет делать комитет, мне очень интересно. Потому что любое их действие сейчас будет обнажать механику власти.

– Интересно, как технически вы осуществили эту акцию? Ведь залезть на крышу института Сербского не так уж просто.

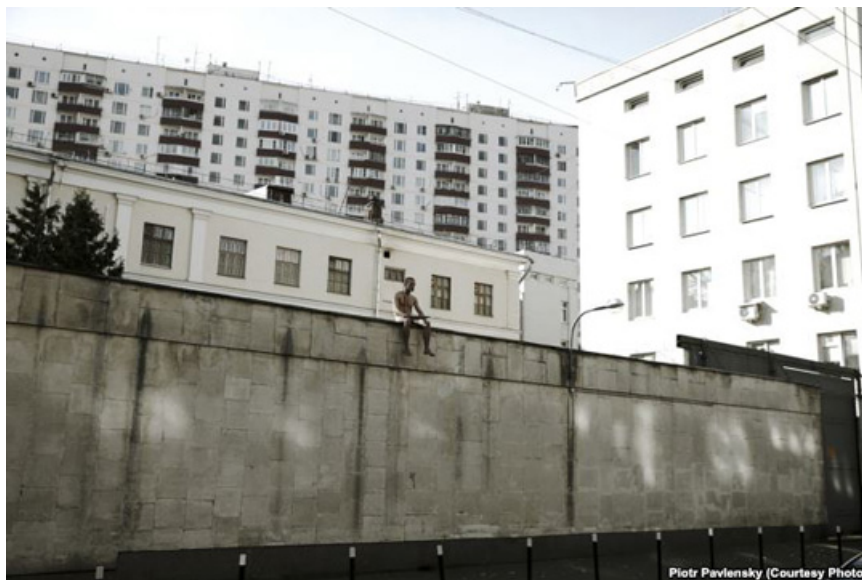
– На самом деле там четыре с небольшим метра, нужен небольшой расчет и ловкость. Там есть ограда пониже сначала, потом, собственно, эта ограда. Я сначала залез на стену, а потом там отделил мочку уха. Наверху это было удобнее делать, так как там до меня было сложно добраться и мне никто раньше времени не смог бы помешать.

– И провели там целый час?

– Гораздо больше – порядка двух часов. Там собралось очень много представителей власти, различных структур, психиатров, полиции, сотрудников МЧС. Они не знали, что им делать, потому что я ничего не требовал, никаким образом им не угрожал, но они боялись. Они боялись человека вроде бы беззащитного, без одежды, хотя все были вооружены, у них бронежилеты, огнестрельное оружие, все необходимое для защиты. А у меня только тело, нож и отделенная мочка. Они очень долго разрабатывали стратегию, каким образом меня захватывать, им понадобилось два часа. И как раз эти два часа длились постоянные провокации, подкладывание матов мягких, предложение слезть добровольно – это был момент, который необходимо было выдержать. Потому что если в этот момент не выдержать и сломаться, тогда ты, получается, сам сломал свою акцию. Если ты уже вышел на эту линию, нужно держаться до конца.

– Поскольку вы выбрали крышу, я сразу вспомнил самую яркую акцию последнего времени – рифера Мустаंगा, который раскрасил звезду на Котельнической набережной. Мне кажется, что с точки зрения акционизма то, что он сделал, – замечательная вещь. Думали ли вы о нем, планируя свою акцию, и нравится ли вам то, что сделал он?

– Мы сейчас говорим о крыше, но, когда я готовился, я был уверен, что это стена, потому что не знал, что там дальше есть продолжение. Когда смотришь снизу, это выглядит как стена, и я был уверен, что залезть мне нужно именно на стену. Потом уже наверху я понял, что она гораздо шире, чем я предполагал, что она является крышей. Мне понравилась то, что Мустанг сделал с этой звездой, потому что был выбран символ имперского шовинизма. Икона сталинской эпохи. Достаточно простой сам по себе ход – просто покрасить половину звезды синей краской. Это очень хорошо все придумано, мне понравилась эта акция.

– Отсечение уха – понятно, это Ван Гог, о котором мы уже говорили, но ведь много и других ассоциаций. Самая простая: ухо – это то, во что льется государственная пропаганда, и государство как бы символически обрезает или затыкает обывателям уши. Ухо – это та дыра, в которую государство ловко проникает. Вы думали об этом?

"Когда я осуществляю акцию, я демонстрирую пример того, как минимальным усилием подчинить власть"

– Конечно, так и есть, пропаганда: можно закрыть глаза, но мы не закрываем уши. Но, когда я выбирал мочку уха, я имел в виду Ван Гога, потому что он был объявлен из-за этого сумасшедшим. Все говорят о красоте его картин, но, говоря о картинах, все думают о его ухе. Можно говорить об отрезании уха как о самом главном его произведении. Потому что именно этот жест, как квадрат Малевича, стал его символом. Более того, он стал символом тех ценностей, на которые он опирался в своей жизни. Через это отделение я говорил об отсутствии объективного порога между "обществом разумных" и

"безумными больными".

– Вы всегда говорили о том, что восхищаетесь киевским Майданом. Вас и судят за акцию, которая была проведена в феврале в поддержку Майдана. Майдан показал, что маленький человек может взять булыжник, может взять "Молотов-коктейль" и пойти против монстра, против государства и победить его. Ваши акции с телом всегда говорят о противоположном, о том, что человек – жертва, которую калечат, отделяют, лишают возможности двигаться. Сейчас вы в очередной раз рассказали историю подчинения, историю жертвы. Вы не хотите снова рассказать историю сопротивления?

– Безусловно, когда я говорю о вере в психиатрию – я говорю о подчинении. Однако когда я осуществляю акцию, я демонстрирую пример того, как минимальным усилием подчинить власть. Если рассматривать акции как некое целое, то можно сказать, что они о "тюрьме" и возможности "освобождения". Акция "Свобода" как раз и говорила о существовании этой возможности. Находясь здесь, все равно я являюсь частью российского общества, я живу в тех страхах и тех же желаниях, которые управляют населением России. Я часть общества, потому что иначе не мог бы его понимать и не мог бы о нем говорить. Возможность освобождения, возможность восстания, народного бунта, конечно, была погашена. На сегодняшний день власть нашла два мощных рычага для уничтожения идеи трансформации и погружения общества в болото консерватизма. Это

православный клерикализм и ностальгия по большевистской империи. В общем, это идея возврата могучей державы, мечом и щитом охраняющей мир от многочисленных и коварных союзников сатаны. Результатом этого симбиоза между средневековой православной идеологией и имперским большевизмом стал красно-коричневый мутант в сиянии золотого блика.

– Сейчас многие в артистической среде, даже люди, в отличие от вас, очень далекие от политики, размышляют о том, что единственный выход – эмиграция. Вы не думаете о том, что придется эмигрировать?

– Нет, я не планирую эмигрировать по очень простой причине. Я работаю с инструментами власти. Это информационное противостояние. Для примера – информационное поле, это то место, в котором Россия начала войну с Украиной. Механика власти – это набор рычагов и инструментов, которые используются для подавления, для манипуляции человеческим телом. Что хочет власть, чего она добивается возбуждением уголовных дел? По большому счету этот аппарат попросту пытается избавиться от того, что ему мешает и кажется неэффективным для укрепления государственного строя. Каким образом можно избавиться? Можно просто припугнуть, запугать, чтобы человек сам прекратил что-то делать, – это простой, достаточно экономичный способ. Да, можно человека посадить, тоже его изолировать. Можно изолировать в психиатрической клинике, можно его посадить в тюрьму, отправить на зону. Но это для власти более рискованно, чем если человек сам испугается. Если его изолировать, это может вызывать какой-то ненужный шум. Я думаю, что представители власти тоже стараются этого по возможности избегать. И третий, наиболее экономичный и желаемый для них исход, – это когда человек самоликвидируется – например, просто уезжает. Это то же самое, что человека посадить или запугать, только он все делает сам и без какого-либо шума. Другое дело, если он уезжает для того, чтобы организовывать какой-то центр сопротивления и оттуда вести какие-то ощутимые атаки. Но это нужно тогда каким-то образом планировать. Это другая работа, нужно по-другому подходить к вопросу, нужно изначально готовиться, что ты поедешь для того, чтобы что-то делать в том или ином месте. Просто так ликвидироваться – это сделать подарок власти. Сделать подарок и потом просто погрузиться в другой контекст, в котором тоже будет какой-то режим, тоже будет механика, с которой нужно будет или входить в противодействие, или же полностью себя подчинить ей. То есть стереть себя и раствориться в повседневности. Мне кажется, что для меня это было бы не самое удачное решение.

– Вы, наверное, видели реакцию Надежды Толоконниковой на вашу акцию, она говорит, что почувствовала, что панк-молебен Pussy Riot уже принадлежит прошлому, потому что кончилось вдохновение, которое было в 2011 году, и сейчас история совершенно другая, а вот вы – настоящий актуальный художник.

– Безусловно, она права в том, что очень сильно все меняется. В России все происходит стремительно. Пока не совсем понятно, к чему это в результате приведет. Когда был процесс Pussy Riot, можно было говорить, что это проверка воздействия клерикальных шаблонов, причем средневековых, с какими-то элементами инквизиции. Сейчас клерикализм и красно-коричневая ностальгия по имперскому большевизму соединяются. Два года назад еще не было такого обилия красной ностальгии, которая связана с этим совком. Неизвестно, что будет уже через год. Да, конечно, все меняется стремительно, и пока не в лучшую сторону – в этом Надя права. Но говорить о том, что какие-то методики безвозвратно в прошлом, а какие-то в современности, я бы не стал. Я думаю, что разные люди по-разному работают. По-разному строят высказывание. Нельзя же сказать о

том, что в обществе тотальный и необратимый обвал. Происходит раскол серьезный; конечно, оппозиция серьезный удар получила. Появилось много новых неожиданных вопросов. Основная проблема в том, что огромная часть людей забыла о том, с чем и за что она боролась, и в один момент встала на сторону власти. А это оказалось предательством всего, что было сделано ранее.

– Возрождение империи, о которой вы говорите, происходит, как правило, в комической форме.

"Полководец" Гиркин – фикция, из-за которой погибло множество людей"

– В принципе, это все гротеск. Это напоминает глумление с серьезным лицом, и сама власть не скрывает этого. С одной стороны, Путин позиционирует себя как новый отец народов, но при этом его дети живут в Европе, с которой он ведет холодную войну. Во время войны Сталин отказался менять пленного сына офицера на какого-то немецкого генерала. В этом разделении собственного комфорта и того, на что власть толкает людей, есть элемент неприкрытого фарса.

Видно, что есть какая-то искусственно построенная конструкция, в которую втягиваются люди, какие-то полководцы Гиркины появляются. Кто это такой? Это бывший эфэсбэшник, который потом занимался охраной, когда перевозили всякие мощи, и тут он вдруг появляется в виде такого героического полководца на коне. Такой вот благородный белый офицер прямиком из державной России. А потом в разгар войны объявляет о таинственном ранении и переезжает в Москву. Примерно через месяц он уже дает по бумажке интервью на уютном диване и заявляет, что его миссия на востоке закончилась и он будет в России бороться с пятой колонной. Что это такое вообще? Он как полководец не воспринимается – это какая-то насмешка просто. Фикция, из-за которой погибло множество людей. И власть этого в принципе не скрывает, не предпринимаются попытки это скрыть, все открыто, грубо делается.

– Если бы мы сейчас находились в ситуации сталинизма или гитлеризма, мы бы с вами не разговаривали, они бы вас просто не выпустили.

– Безусловно. Конечно, ситуация другая, и мы постоянно вынуждены разбираться, что это за ситуация, находясь в ней. Сейчас какой-то страшный мутант разрастается, и какие это даст плоды – трудно сказать.

– Если говорить об истории искусства, то, помимо Ван Гога, вспоминается венский акционизм, перформансы Рудольфа Шварцкоглера. У акционистов были проблемы с законом, они были париями. Сейчас в венском музее Леопольда их работы находятся рядом с шедеврами Климта и Шиле. Буржуазное общество любой протест, как известно, абсорбирует, коммерциализирует, все эти механизмы безупречно работают. Готовы ли вы к тому, что когда-нибудь документация ваших акций окажется в Русском музее?

– Документация акций находится в свободном доступе. Я всегда это подчеркиваю, для меня это очень важно. Я не накладываю вообще никаких ограничений. Моя задача – это сформировать информационный прецедент, наполненный определенными смыслами. Дальше его может использовать любой человек, как он хочет. Есть информационное поле, есть информационные прецеденты в этом поле, эти прецеденты – то, на что опирается человек, когда принимает те или иные решения, это наборы кодов, которые являются культурой. А кто, как, когда будет их использовать? Я сам очень часто отказываюсь, не хочу в чем-то участвовать, когда мне предлагают, но всегда пишу, что если кому-то что-то нужно, все изображения можно за пять секунд получить, я никогда никого не буду преследовать. Если кто-то очень хитрый возьмет изображения и начнет их продавать, я даже тут не буду накладывать ограничений. Это его личное дело, он, такой мошенник, сумел заработать, продавая воздух. Почему бы и нет? Можно будет посмеяться над теми, у кого хватить ума купить то, что можно брать совершенно бесплатно. Это как информационные частицы: важно, чтобы люди с ними взаимодействовали. А где это будет висеть – я вообще об этом не думаю. Может, в туалете кто-нибудь повесит. Музей преподносится как некая вершина, какой-то Олимп для художников, некоторые люди тратят жизни, чтобы подстроиться под какую-то административную машину. А она их использует как декораторов. Но по большому счету любой музей – это просто хранилище. Я не знаю, насколько музеи в том виде, в котором они существуют сейчас, будут актуальны и значимы для того искусства, которое сейчас появляется. Тысячи изображений могут храниться на флеш-карте размером с ноготь. Музеи создавались как хранилища для гигантских предметов, которые было сложно перевозить, для них создавались определенные условия хранения. Но сейчас все меняется, и дальше изменения будут еще существеннее. Мне интереснее думать о том, что я могу изменить в настоящем, а не о том, как законсервировать себя в будущем.

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Дмитрий
Волчек.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)